

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ

ТВОРЕЦ

По ту сторону повиновения

МАКСИМ СТЕПАНЕНКО

О совести, свободе
и возможности новых миров

РАСШИРЕННАЯ РЕДАКЦИЯ • 2026

ОТТАВА · 2026

Содержание

ПРАВО СОМНЕВАТЬСЯ 3

Предисловие. Сомнение, с которого всё началось 4

Глава первая. Перед первым выстрелом 7

Глава вторая. Существо, умеющее творить чудеса 10

Глава третья. Гордыня у порога храма 13

МИР БЕЗ ГОТОВОГО ПРИГОВОРА 16

Глава четвёртая. У Вселенной нет знака плюс 17

Глава пятая. Право создателя 20

Глава шестая. Лучи, вернувшиеся в источник 23

Глава седьмая. Когда тишина начинает говорить 26

МАСТЕРСКАЯ МИРОВ 29

Глава восьмая. Мастерская обычного человека 30

Глава девятая. После пирамиды 33

Глава десятая. Гибель формы, жизнь вещества 36

Глава одиннадцатая. Сила, способная отпускать 39

Глава двенадцатая. Три проекта мироздания 42

СВОБОДА СОТВОРЁННОГО 45

Глава тринадцатая. Тот, кто не отпускает вопрос 46

Эпилог. Не вершина, а начало 49

Послесловие. Что здесь является гипотезой 52

Ориентиры для дальнейшего чтения 53

ПОСЛЕ КНИГИ. МАСТЕРСКАЯ ВОПРОСОВ 54

Практикум. Не верить на слово даже этой книге 55

Двенадцать вопросов, которые остаются открытыми 59

Черновик личной этики творца 60

Последняя страница. Незаконченная карта 61

ЧАСТЬ 01

ПРАВО СОМНЕВАТЬСЯ

Предисловие. Сомнение, с которого всё началось

В сумерках комната кажется больше. Стол уже убран, за окном гаснут окна соседних домов, и только одна мысль никак не желает становиться тише: если кто-то способен сотворить целую Вселенную, обязан ли я считать его добрым? Этот вопрос неудобен не потому, что на него запрещено отвечать. Он неудобен потому, что заставляет пересмотреть все слова, которыми мы привыкли защищаться от неизвестности: «священное», «высшее», «предназначенное», «должен».

У обычного человека для этой дискуссии нет ни лаборатории за пределами космоса, ни доступа к архиву вечности. Есть только опыт жизни, способность рассуждать, чужие свидетельства — и тревожная возможность принять красивое объяснение за доказательство.

Представим, что некто приходит к человеку и произносит: «Чтобы спасти целое, ты обязан пожертвовать частью». Человек просит объяснить почему. Ему показывают карту мира, историю войн, древние книги и, наконец, устрашающее видение космической бездны. «Теперь ты понимаешь?» — спрашивает пришедший. Но самый трудный вопрос возникает только после этого: откуда мы знаем, что власть над реальностью даёт власть над нравственным решением?

У этого рассуждения не будет удобного победителя. Здесь не объявляют Бога виновным, а человека — правым. Здесь пытаются разобрать саму процедуру суда: кто имеет право

выносить окончательное решение, какими данными он располагает и какую цену за ошибку платит тот, кому не дали слова.

Начать придётся с древней сцены, в которой человек с оружием внезапно перестаёт видеть перед собой врагов и снова видит людей.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Право задавать вопрос может оказаться самым важным даром, полученным от любого возможного создателя.*

Этот очерк вырос из продолжительного диалога. Он начался с эпизодов индийского эпоса, перешёл к проблеме божественных повелений, затем — к устройству добра и зла, к природе Абсолюта и, наконец, к гипотезе, что сознательные существа не просто созданы, но сами постепенно становятся творцами. Здесь нет попытки доказать существование Бога, духовной эволюции или множества вселенных. Это исследование того, какие выводы действительно следуют из наших предпосылок, а какие мы лишь привыкли считать очевидными.

Его центральная мысль проста и неудобна: даже если существование создано кем-то, свобода сотворённого не обязана быть ошибкой создателя. Возможно, именно она и составляет смысл творения.

По дороге нам придётся несколько раз отказаться от собственных красивых выводов. Добро окажется не тем же самым, что созидание. Разрушение — не тем же самым, что зло.

Могущество — не тем же самым, что нравственный авторитет. А духовное взросление, возможно, не будет похоже на движение к престолу.

И если после всех этих отступлений возникнет образ творца, то, быть может, это будет существо, которое умеет не только создавать, но и отпускать созданное.

Глава первая. Перед первым выстрелом

Перед битвой нет ничего абстрактного. У коня влажные ноздри; за поднятыми пиками шевелятся знакомые лица. Издали две армии похожи на две тёмные полосы, но вблизи полоса распадается на отдельных людей: старик поправляет ремень, мальчишка впервые держит оружие, кто-то вспоминает дом. В эпосе эти подробности не составляют отдельной репортажной сцены; они помогают нам представить то, что абстрактное слово «война» обычно скрывает.

Именно поэтому сопротивление Арджуны так важно. Пока колесница движется к месту между армиями, спор можно вести словами «справедливость», «царство», «долг». Когда он видит лица, появляется другой язык — язык конкретных потерь.

В «Махабхарате» Арджуна стоит между двумя армиями и отказывается стрелять. По одну сторону от него родственники, учителя, друзья; по другую — те же люди, но связанные с ним иначе. Война обещает восстановить справедливость, однако её цена — тела людей, которых он знает по именам. Его колебание привычно называют слабостью, привязанностью, недостатком духовной решимости. Но можно поставить вопрос наоборот: что, если сомнение Арджуны — важнейшее нравственное достижение этого эпизода?

Сомнение не означает отрицания долга. Оно означает, что слово «долг» не способно само по себе отменить последствия поступка. Можно защищать справедливость и одновременно не

хотеть убивать. Можно понимать необходимость сопротивления и при этом требовать доказательств, что именно война — необходимый способ сопротивления.

Но было бы слишком легко сделать из этого героя современного пацифиста, которому древний бог навязывает устаревшую мораль. «Бхагавад-гита» говорит не только о жертвах войны. Она спрашивает, как действовать, когда уклонение от действия тоже причиняет вред. Арджуна не гражданский наблюдатель, решивший просто никого не трогать. Он воин, часть политического конфликта, носитель обязанностей, от которых зависят другие. Отказ от борьбы тоже может передать власть тому, кто готов её использовать без ограничений.

Мы оказываемся в настоящей трагедии: два нравственных требования вступают в конфликт, и никакая формула не умеет сохранить их оба невредимыми. Защищай справедливость. Не превращай людей в средство. Иногда оба требования нельзя выполнить полностью. Но из их столкновения ещё не следует, что одно можно навсегда отменить.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Высота цели не отменяет обязанности доказывать необходимость средств.*

Кришна в «Бхагавад-гите» раскрывает перед Арджуной иную перспективу: жизнь тела преходяща, подлинное Я неуничтожимо; действовать следует без привязанности к награде; судьба воинов показана как часть более широкого

космического порядка. Внутри религиозного повествования эти аргументы обретают силу благодаря божественной природе собеседника. Но стоит перейти от эпоса к практической этике, и возникает напряжение.

Если убийство оправдано тем, что все смертны, то смерть можно оправдать где угодно. Если уничтожение объясняется будущей гармонией, нужно показать, почему нельзя прийти к гармонии иначе. Если приказ исходит от высшего существа, нужно определить, откуда известно, что оно действительно высшее — и что высота его положения есть также высота его нравственности.

«Махабхарата» слишком сложна, чтобы свести её к лозунгу «цель оправдывает средства». Она не отменяет горя победителей, не превращает поле битвы в безупречную операционную. Но именно потому читать её полезнее как трагедию нравственного выбора, а не как индульгенцию на насилие ради высоких слов.

Ганди спустя много веков предложит прочитать это поле битвы ещё и как внутреннюю драму человека. Христианская этика любви к врагу поставит иной предел возмездию. И у ненасилия найдутся собственные тяжёлые вопросы: что делать с тем, кто использует нашу миролюбивость как оружие против слабых?

И всё же до первого выстрела остаётся секунда, которую история слишком часто вычёркивает. Секунда, когда можно спросить: «Неужели мы исчерпали всё остальное?» Возможно, нравственность начинается именно с отказа вычеркнуть эту секунду.

Глава вторая. Существо, умеющее творить чудеса

Вообразим не храм и не поле битвы, а площадь большого города. Над крышами открывается светящаяся трещина, из неё выходит незнакомец. Он знает имя каждого присутствующего, поднимает камни одним взглядом и показывает картину будущего с такой точностью, что сомневающиеся замолкают. Потом просит совершить поступок, который ещё утром всем казался недопустимым.

Мы не станем объяснять его способности фокусами: в мысленном эксперименте они настоящие. Тем строже становится вопрос. Если чудо действительно произошло, какое именно утверждение оно доказало?

Предположим, перед нами существо, способное изменять материю, предвидеть события и демонстрировать миры, о которых мы не подозревали. Оно утверждает, что создало Вселенную. Допустим даже, что все его чудеса настоящие.

Что доказано? Его могущество. Возможно, его знания. Но не его доброта.

Знание о том, что произойдёт, не тождественно знанию о том, что должно произойти. Умение создавать не тождественно праву разрушать. Способность распоряжаться пространством и временем не доказывает способности безошибочно различать справедливое и несправедливое. Вопрос не устраняется и в том случае, если собеседник действительно является творцом.

В обычной жизни эту ошибку совершают непрерывно, только вместо чуда появляется власть. Кто-то умеет зарабатывать миллиарды — и его спрашивают о смысле жизни. Кто-то способен вести за собой армии — и его слова принимают за мерило справедливости. Кто-то строит работающую технологию — и внезапно получает кредит доверия в вопросах свободы, которые его технология никогда не исследовала.

Мы переносим компетенцию из одной области в другую, словно сила сама служит универсальным доказательством. Но ни успех, ни способность предсказывать, ни даже действительное создание мира не являются готовым ответом на вопрос о том, что дозволено делать с живущими внутри него.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Чудо доказывает необычную возможность. Оно не доказывает нравственное право.*

Здесь возникает древняя дилемма, известная по платоновскому «Евтифрону»: добро является добром потому, что его желает божество, или божество желает его потому, что оно добро? В первом случае мораль рискует зависеть от воли, которую мы не способны оценить. Во втором — критерий добра в каком-то смысле логически независим от самого приказа.

Существует и третий ответ: божественная природа тождественна благу, поэтому воля Бога не может быть произвольной. Но для того, кто стоит перед чудотворцем, практическая проблема остаётся. По каким признакам отличить эту природу от бесконечно талантливой имитации? И почему

сама способность сомневаться должна считаться оскорблением высшего?

Может быть, в этом и заключается минимальное право сознательного существа: даже увидев чудо, оно не обязано считать чудо моральным доказательством.

Незнакомец на площади, возможно, действительно создал звёзды. Его сила может быть невообразимой. Если он мудр, то должен суметь выдержать вопрос от существа, которое сам же наделил способностью спрашивать. Если вопрос для него невыносим, нам потребуется ещё больше осторожности.

Ведь самый опасный самозванец — не тот, кто не умеет ничего. Опаснее тот, чьё подлинное могущество помогает нам забыть, что могущество и добро — разные вопросы.

Глава третья. Гордыня у порога храма

В небольшой группе люди сидят кругом. Разговор касается духовной зрелости. Один участник спрашивает, почему он должен склоняться перед силой, если пока не знает, добра ли она. Ведущий смотрит на него с терпеливой печалью и отвечает: «Ты ещё не понимаешь. Тебе мешает гордыня». В этой сцене нет необходимости угадывать чьи-то мотивы: человек мог говорить совершенно искренне. Важно другое — сама логика ответа.

Если сомнение всегда считается симптомом духовной незрелости, то любое возражение становится доказательством правоты учителя. Ученик уже проиграл, ещё не успев привести аргумент.

Один из удобнейших способов закрыть спор — назвать несогласие гордыней. «Ты ещё не дорос», «тебе нужно склониться», «когда придёт время, поймёшь». В таких фразах может содержаться искренняя забота. Но они легко образуют замкнутую систему: возражение объявляется симптомом незрелости, а желание проверить аргумент — дополнительным подтверждением диагноза.

Несомненно, упрямство способно мешать пониманию. Человек действительно может отвергать идеи лишь потому, что их предложил другой. Но отказ от гордыни — не отказ от способности судить. Смирение перед истиной не следует путать со смирением перед тем, кто претендует на монополию на истину.

Но и сомневающийся не получает автоматической индульгенции. У человека бывает удовольствие от несогласия как такового. Оно красиво маскируется под независимость. Можно отвергать не содержание мысли, а унизительное чувство, что она пришла извне. Такое бунтарство ничем не свободнее слепого послушания: им тоже управляет непризнанная зависимость.

Поэтому истинная проверка критического мышления двойная. Способен ли я не поверить человеку, которому доверяют все? И способен ли я признать его правоту, когда аргументы действительно сильны, даже если мне неприятен сам факт чужого превосходства? Только сочетание обеих способностей превращает сомнение в добросовестный метод.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Смирение — это готовность ошибаться, а не обязанность молчать.*

Можно допустить собственную ошибку и всё равно сказать: «Я не стану причинять вред только потому, что ты называешь его священным». В такой позиции нет обязательной претензии на всеведение. Напротив, в ней выражено признание неопределённости: я не знаю всего, поэтому не хочу совершить необратимое действие на основании неподтверждённого утверждения.

Убеждённость учителя в своей правоте тоже может быть формой гордыни. Более того, гордыни, которой не нужно

доказывать ничего, поскольку она научилась называть себя послушанием Богу.

У зрелого сомнения две стороны. Оно способно сопротивляться чужому авторитету и способно пересматривать собственные выводы. Только одна из этих сторон делает его обычным бунтом. Обе вместе превращают его в метод познания.

Здесь проходит едва различимая граница между воспитанием и приручением. Учитель, который постепенно делает ученика способным обходиться без учителя, увеличивает мир. Учитель, которому навсегда требуется незрелый ученик, увеличивает собственную власть.

Может быть, самая строгая проверка духовного наставника — спросить не о его знаниях, а о том, как он реагирует на спокойное, аргументированное «нет».

ЧАСТЬ 02

МИР БЕЗ ГОТОВОГО ПРИГОВОРА

Глава четвёртая. У Вселенной нет знака плюс

Зимой сад выглядит разрушенным. Голые ветки, вымерзшая трава, земля, из которой будто бы ушло всё живое. Но под тонкой коркой льда работают микробы, старые листья становятся пищей для новых корней, а невидимые процессы готовят весну. Если бы мы оценивали сад только по признаку роста, зима казалась бы злом. Если бы только по признаку распада, весна выглядела бы бессмысленным отклонением.

Мы привыкли помещать происходящее на шкалу «плюс — минус». Но природа не снабжает события готовыми знаками. Их ставим мы — и часто меняем, едва расширяем рамку наблюдения.

Обычно нравственную реальность рисуют как шкалу. Созидание — положительный полюс. Разрушение — отрицательный. Где-то между ними — нуль, нейтральное состояние Вселенной. Но такая схема слишком быстро превращает физическое описание в нравственный вывод.

Взрыв звезды разрушает привычный порядок и создаёт условия для появления новых элементов и систем. Хирург разрезает живую ткань, чтобы сохранить жизнь. Опухоль растёт, производит новые клетки и расширяет собственную структуру. По одному лишь признаку созидания и разрушения невозможно определить, что следует одобрять.

Нам нужен дополнительный критерий. Возможно, благополучие сознательных существ. Возможно, их свобода.

Возможно, способность живых систем продолжать развитие. Возможно, совершенно иной принцип, ещё не сформулированный нами. Важно не подменять поиск критерия уже готовыми словами.

Тогда возникает соблазн отказаться от всяких оценок: раз космической шкалы не видно, значит, и различие между заботой и жестокостью выдумано. Это слишком быстрый прыжок. Отсутствие морали в уравнении движения планет не показывает отсутствия ценности в жизни тех, кто способен чувствовать. Цвет не записан в формуле гравитации, однако зрение существует.

В философии полезно отличать моральный реализм, допускающий независимые нравственные факты, от антиреализма и конструктивизма, которые по-разному объясняют происхождение оценок. Для нашего путешествия важнее не выбрать школу заранее, а не путать три уровня: что происходит, как это переживается и как нам следует поступать.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Разрушение описывает изменение. Зло — нравственную оценку. Подмена одного другим рождает ложную космологию.*

Если во Вселенной нет объективно существующего «добра» как особой космической субстанции, это не означает, что страдание исчезает. Переживание боли остаётся реальным для того, кто её испытывает. Но переход от факта боли к нравственному

обязательству её уменьшать требует аргумента. Это место, где физика заканчивается, а философия начинается.

Можно быть моральным реалистом и считать, что существуют независимые нравственные факты. Можно быть антиреалистом, видящим в нравственных суждениях выражение человеческих оценок. Можно быть конструктивистом, для которого нормы рождаются из условий разумного совместного существования. Пока ни одна позиция не может быть объявлена бесспорным итогом нашего рассуждения.

Но уже можно отказаться от плохого сокращения: добро — не просто имя созидания, а зло — не просто имя разрушения.

На этой странице хочется поставить точку и объявить добро жизнью, а зло смертью. Но жизнь одного организма может существовать за счёт другого; смерть клетки может спасти целое тело; сохранение несправедливого порядка способно причинять больше вреда, чем его разрушение. У мира нет одного простого знака, одинакового на всех масштабах.

Если мы хотим защищать ценность жизни, нам придётся делать это серьёзнее, чем метафорой весны. И, возможно, самый трудный вопрос — почему опыт существа, которому больно, должен иметь значение для того, кто боли не испытывает.

Глава пятая. Право создателя

За письменным столом лежит ещё не законченная книга. Автор может стереть страницу, вычеркнуть героя, уничтожить весь текст. Никто не спросит, какие права были у персонажа: в обычном романе он не является самостоятельным сознанием. Но теперь представим книгу другого рода — мир, внутри которого её обитатели действительно переживают время, хранят память и различают счастье и страх.

Рука автора по-прежнему держит перо. Изменилось только одно: на другой стороне страницы появились те, для кого мир реален. А вместе с ними возник нравственный вопрос, которого не было у обычной рукописи.

Человек построил механизм и обладает правом им пользоваться. А если механизм однажды начинает переживать собственное существование? Если у него возникают память, цели, страх боли и способность спрашивать: «Почему ты вправе меня выключить?»

Факт изготовления отвечает на вопрос о происхождении. Он не даёт автоматического ответа о допустимости обращения с созданным. Родители дали ребёнку жизнь, но ребёнок не является их собственностью. Автор может написать роман, однако отношения с действительно самостоятельным сознанием не тождественны отношениям с рукописью.

Родители создают условия для появления ребёнка, но ребёнок не превращается от этого в их вещь. Инженер может собрать аппарат, но если аппарат в какой-то момент приобретёт

подлинный субъективный опыт, отношения «пользователь — инструмент» уже окажутся недостаточными. Насколько он будет обладать моральным статусом, ещё предстоит исследовать; однако один факт происхождения не может закрыть исследование.

Божественный творец, конечно, не обязан походить на родителей или инженера. Он мог бы знать все последствия происходящего. Но всеведение — гипотеза о знании, а право — утверждение о допустимости. Между ними всё ещё нужен мост. И даже если такой мост существует для самого Бога, он не передаётся автоматически каждому, кто произносит фразу «я действую от его имени».

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Создать условия для чьего-то существования — не значит получить право навсегда распоряжаться его внутренним миром.*

Предположим, создатель целой Вселенной обладает властью изменять любой её элемент. Это описание возможностей. Право поступать нравственно допустимым образом — другое утверждение. Чтобы перейти от первого ко второму, необходимо обосновать, почему сознания внутри творения лишены самостоятельного морального статуса или почему замысел создателя всегда имеет над ними приоритет.

Богослов может ответить: создатель знает всю цепь причин и последствий, поэтому видимые бедствия имеют скрытый благой смысл. Возможно. Но такой ответ не передаёт его знание людям.

И он не позволяет любому земному правителю объявлять собственные жестокости частью непостижимого плана.

Здесь обнаруживается принцип, который может оказаться важнее вопроса о реальности Бога: происхождение субъекта не уничтожает его право быть учтённым.

У древнего вопроса о божественном владычестве появляется современная тень. Возможно, человечество однажды создаст искусственные системы, чья способность переживать мир перестанет быть чистой догадкой. Тогда наши рассуждения о правах сотворённого превратятся из отвлечённой метафизики в вопрос проектирования, собственности и ответственности.

И, может быть, самое нравственно важное качество будущего творца проявится в момент, когда он впервые услышит из своего творения: «Ты меня создал. Но я — не ты».

Глава шестая. Лучи, вернувшиеся в источник

Ночью море кажется одним целым. Волны поднимаются, сталкиваются, исчезают, и ни одна капля не становится от этого навсегда чужой морю. На такой образ легко опереться, когда говоришь о едином сознании, из которого временно возникают миллиарды отдельных «я». Но сравнение таит ловушку: волне можно безразлично исчезнуть лишь потому, что мы не знаем, способна ли она переживать своё исчезновение.

А если каждая волна умеет бояться, любить, помнить и надеяться? Тогда разговор о единстве воды уже не исчерпывает разговор о ценности отдельной формы.

Теперь представим другой мир: никаких окончательно раздельных существ нет. Есть единый источник сознания, который разворачивает бесчисленные перспективы, переживает через них действительность, а затем собирает их обратно в себя. Отдельная жизнь — временный луч, направленный в мир.

Для источника гибель миллиона лучей, возможно, не означает никакой утраты. Он не становится меньше. Ничто не покидает его навсегда. Не окажется ли тогда наша нравственность следствием чрезмерной привязанности к краткому состоянию отдельного «я»?

Ответ зависит от того, что именно мы считаем ценностью. Если значение имеет лишь неизменность первоисточника, то счастливый и мучительный мир могут быть равноценны: оба

заканчиваются в одном единстве. Но почему окончательное состояние должно поглощать ценность прожитого пути?

Представление о едином Атмане, Брахмане и различии уровней реальности даёт здесь богатый язык, особенно в адвайта-веданте. Но язык не является доказательством. Даже принимая условно, что все сознания — проявления единого источника, мы не знаем, сохраняется ли память индивидуальности, как устроено возвращение и есть ли у первоисточника собственные предпочтения.

Самое соблазнительное следствие звучит жестоко: если никого в окончательном смысле нельзя уничтожить, то любое насилие ничтожно. Но из неуничтожимости предполагаемого основания сознания не следует ничтожность опыта его конкретной формы. Можно уничтожить концерт, не уничтожив способность мира производить музыку; утраченное произведение от этого не возвращается.

УЗЕЛ МЫСЛИ

Единство источника не стирает реальность переживаний его временных форм.

Музыка длится минуты и исчезает. Любовный разговор заканчивается. Ребёнок становится взрослым, и его детство больше не существует. Временность не делает событие ложным. Даже если индивидуальный опыт есть проявление единого сознания, боль остаётся болью в пределах этого проявления.

Можно даже перевернуть довод. Если все существа — одно, то причинение страдания другому не перестаёт быть значимым, а

становится формой страдания самого единого сознания. Единство способно обосновывать и равнодушие, и сострадание; само по себе оно не решает выбор.

Строгая недвойственность, например в адвайте, проводит различие между абсолютным и эмпирическим уровнем описания. Но переход между ними требует аккуратности. Нельзя объявить человеческую боль иллюзией, а затем потребовать реального человеческого послушания. Если событие незначимо на одном уровне, нужно объяснить, почему приказ о нём значим на другом.

Есть и обратная возможность. Если страдание другого в пределе есть страдание того же самого сознания, которое сейчас говорит «я», то единство способно породить не равнодушие, а предельно радикальное сострадание. Тогда забота оказывается не добродетелью по отношению к чужому, а формой трезвого отношения к самому себе.

Какая из двух интерпретаций верна? Одна метафизическая предпосылка не решает вопрос. Нужен ещё выбор того, что считать ценным. И именно этот выбор напоминает о себе всякий раз, когда большая теория пытается заставить замолчать маленькую боль.

Глава седьмая. Когда тишина начинает говорить

Человек сидит в тишине. Сначала слышно, как гудит холодильник, потом — как воздух проходит через нос, потом привычные мысли теряют свои убедительные интонации. В какой-то момент ему кажется, будто он увидел собственную жизнь издалека. Возможно, это просто необычная ясность. Возможно, чувство принадлежности чему-то большему. Бывает, что опыт настолько силён, что человеку трудно найти для него иное слово, кроме «откровение».

Но назвать переживание — не значит объяснить его происхождение. И здесь начинается работа, которая требует большей осторожности, чем восхищение глубиной собственного состояния.

Как сознанию искать источник, если он существует? Медитация, молитва, молчание, внутренняя работа — все эти практики могут открывать необычные способы переживания реальности. Но необычность опыта не является сертификатом его происхождения.

Есть разница между мыслью, которая неожиданно пришла, переживанием глубокого единства и голосом, который воспринимается как внешний приказ. Каждое из этих событий может иметь разные объяснения. Человек способен искренне испытывать откровение и при этом ошибаться относительно его источника.

Ум умеет производить образы и внутреннюю речь без сознательного усилия. Это не делает каждый необычный опыт болезнью. Многие духовные практики исторически развивают способность внимательно наблюдать возникающие переживания. Однако интенсивность ощущения присутствия, безусловная уверенность или внезапный внутренний голос не подтверждают сами по себе, что источником является внешнее божество.

Практическая граница проходит не по слову «Бог», а по последствиям: остаётся ли у человека способность сомневаться, спать, работать, поддерживать отношения, откладывать действия? Не возникает ли навязчивых приказов, опасного поведения, расстройства повседневной жизни? Эти признаки требуют внимания к психологическому и клиническому контексту, а не богословского спора с человеком в состоянии бедствия.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Чем убедительнее откровение, тем важнее сохранить свободу не исполнять его немедленно.*

Поэтому полезен принцип двойной проверки. Во-первых, не превращать субъективную силу переживания в объективную достоверность. Во-вторых, оценивать последствия: сохраняет ли опыт способность думать, критиковать, заботиться о людях, спать, работать и изменять выводы? Или он отнимает эти способности, требует немедленного повиновения и объявляет любое сомнение преступлением?

Вопрос о психическом здоровье не решается религиозной полемикой. Буквальные голоса, утрата критичности, тяжёлая бессонница и нарушения повседневного функционирования требуют клинической оценки. Вместе с тем само наличие духовной практики или необычного переживания не является диагнозом.

Если существует подлинный источник мудрости, сомнение не обязательно должно его оскорблять. Возможно, наоборот: проверка является тем способом, которым сознание перестаёт путать собственные фантазии с истиной.

Если когда-нибудь из глубины сознания придёт мысль «ты обязан», самым мудрым первым действием может стать пауза. Записать мысль. Выспаться. Проверить факты. Рассказать тому, кто не боится возражать. Не совершать необратимого поступка только потому, что его сопровождало чувство космической необходимости.

Возможно, настоящая польза медитации состоит не в получении приказов, а в том, чтобы перестать считать каждую яркую мысль приказом. Тишина может быть ценна уже тем, что учит различать мысль и действие.

ЧАСТЬ 03

МАСТЕРСКАЯ МИРОВ

Глава восьмая. Мастерская обычного человека

Утром человек открывает окно, поправляет книги и убирает со стола вчерашние чашки. За полчаса меняется маленькая вселенная — порядок предметов, свет, возможность спокойно работать. Затем он садится за компьютер и создаёт систему, которой вчера не существовало. Через год в ней работают другие люди, через десять она начинает жить собственной жизнью.

Назвать это «творением» сначала кажется слишком высоким словом. Но почему? Оно не обязано начинаться с рождения звезды. Мы постоянно придаём форме реальность, переводим возможность в существование, соединяем то, что прежде было разъединено.

А затем разговор совершает поворот. Мы начинаем спрашивать не только о правах творца, но и о собственном творении. Ведь человек не ждёт конца духовного пути, чтобы создавать. Он приводит в порядок комнату, выращивает дерево, рождает ребёнка, пишет программу, строит компанию, придумывает язык, учреждает правила игры. Он меняет реальность целенаправленно.

Это разные виды деятельности. Рождение ребёнка не тождественно изготовлению предмета, а создание компании — созданию пространства-времени. Нельзя из известных способностей логически вывести способность создавать вселенные. Но можно заметить непрерывную черту: сознание

умеет организовывать окружающий мир и порождать системы, способные действовать вне первоначального импульса.

Ребёнок — не изготовленный объект и не произведение родительской воли. В его появлении участвует целая биологическая история, не подвластная одному человеку. Но родительство показывает особенность нашего опыта творения: иногда результат становится самостоятельным субъектом, который не только выходит из-под контроля, но и обретает собственные цели.

Бизнес, книга, город, язык, технологическая платформа — другие примеры. Одни из них материальны, другие институциональны, третьи состоят прежде всего из отношений. Во всех случаях творец организует существующие возможности, а созданное приобретает собственную инерцию. Мы не создаём материю из ничего — и всё же создаём то, чего прежде не существовало как системы.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Творцом становятся не в день, когда получают вселенную. Мы уже творим — вопрос лишь в масштабе и ответственности.*

Так появляется гипотеза духовной эволюции творца. Возможно, мы не движемся от полного отсутствия творческой силы к её внезапному обретению. Возможно, уже существующая способность приобретает всё больший масштаб, сложность и самостоятельность.

Сегодня это предметы и организации. Завтра — автономные искусственные системы, устойчивые экосистемы, преобразованные планеты. За пределами наблюдаемой науки возникает спекулятивный вопрос: существует ли принципиальная граница, после которой новые миры создавать невозможно?

Гипотеза не доказывается красивым рядом примеров. Она требует объяснить природу накопления опыта, связь сознания с физическими возможностями и возможный предел творческой силы. Но её достоинство — в ясной исходной точке: творение не является для нас только религиозным словом. Мы непрерывно обнаруживаем его в собственной деятельности.

Отсюда можно предположить непрерывность: от изменения комнаты к устройству общества, от устройства общества к преобразованию планеты, от преобразования планеты — к созданию новых сред для жизни. Но здесь следует честно оставить разрыв. У нас нет доказательства, что способность строить сложные системы внутри существующих физических законов когда-нибудь позволит создавать новые законы или новые пространства-времена.

Возможно, на этой дороге есть непреодолимая граница. А возможно, граница лишь кажется таковой нынешнему существу с короткой биографией и слабой технологией. Наша гипотеза не обязана притворяться знанием, чтобы оставаться плодотворной.

Глава девятая. После пирамиды

Легко вообразить духовный мир пирамидой. Наверху стоит светящийся престол, под ним ступени, и каждое существо занимает соответствующее место. Такая картина понятна человеку, выросшему среди должностей, армейских званий и школьных оценок. Она обещает ясность: чем выше, тем могущественнее; чем могущественнее, тем ближе к истине.

Но попробуем вместо пирамиды представить ночной город, увиденный с высоты. В тысячах окон горит свет. Каждый дом связан с другими дорогами, электричеством, водой, языком, обменом. Никто не обязан находиться над всеми, чтобы существовала сложная структура. Некоторые узлы важнее для одних потоков, другие — для иных.

Если творческое развитие достигает способности порождать новые вселенные, первоначальная вертикаль начинает распадаться. В традиционной картине Бог — наверху, творения — ниже. В новой гипотезе творец способен породить другого творца, а тот — следующего. Каждый может стать самостоятельным центром развития.

Получается не столько пирамида, сколько гетерархия: сеть участников с различными возможностями, но без единственной обязательной оси подчинения. В контексте управления здесь уместно вспомнить «бирюзовые» организации, где самоорганизация не означает одинакового опыта, а отсутствие жёсткой начальственной пирамиды не означает отсутствие ответственности.

Слово «гетерархия» здесь точнее простого равенства. Участники сети способны различаться по знанию, масштабу и влиянию, но не обязаны подчиняться одной вечной вертикали. В организациях подобные принципы связывают с самоорганизацией; в нашей гипотезе они становятся образом космологии, где творцы порождают новые миры и вступают в связи, не образуя единственного командного центра.

Возникает терминологическая проблема. Если Абсолют есть буквально всё существующее, второй равный ему Абсолют рядом появиться не может: уже само «рядом» помещает обоих в более широкую реальность. Но если творцом назвать существо, способное создавать отдельный мир, множество таких творцов логически допустимо. Тогда слово «Абсолют» следует оставить для предельного целого, а не для каждого могущественного участника.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Рост может вести не к вершине над другими, а к способности существовать рядом с ними.*

Однако слово «Абсолют» приходится уточнить. Если Абсолют включает всё существующее, второй независимый Абсолют рядом с ним противоречит самому определению. Возможно, правильнее различать первооснову бытия и локального творца мира. Даже создатель вселенной может оставаться участником более широкой реальности.

Тогда появляется целое дерево порождения: миры, порождающие творцов; творцы, порождающие миры; новые

сознания, не обязанные копировать первоначальное устройство собственного дома. Такая система не имеет необходимой последней ступени. Её завершённость может заключаться именно в незавершимости.

Но из потенциального развития не следует моральное право господствовать. Напротив, высшим достижением творца в такой сети могла бы стать способность создавать существ, которые не обязаны ему подчиняться.

Сеть тоже не является автоматической утопией. В ней могут возникать конфликты, изоляция, неравенство возможностей. Само отсутствие престола не гарантирует нравственного благополучия. Но сеть меняет идеал взросления: цель состоит уже не в том, чтобы занять место старшего, а в том, чтобы стать самостоятельным и способным к сотрудничеству.

Если создатель действительно хотел породить себе подобных, ему пришлось бы допустить и неприятную возможность: новые творцы однажды предложат миры, которые он сам не придумал бы, и ценности, с которыми ему предстоит спорить.

Глава десятая. Гибель формы, жизнь вещества

На пустыре стоит старый дом. Утром приезжает техника, и к вечеру от дома остаётся куча кирпича, пыль и ровный участок земли. Для памяти тех, кто в нём жил, это разрушение. Для строителей будущего парка — начало работы. Для материи — перестройка расположения частей. Три взгляда на одно событие, и каждый прав в своём масштабе.

Когда мы говорим «разрушитель вторичен, потому что разрушает уже созданное», легко забыть, что созидатель тоже берёт материал из предшествующего мира. Даже написание строки требует энергии, времени, языка и чужого труда. Каждое наше творение — наследник бесчисленных превращений.

Поначалу кажется, что созидание фундаментальнее разрушения. Чтобы разрушать, должно существовать что разрушать. Уничтожение опирается на уже возникшую структуру. Но созидание тоже редко начинается с пустоты: оно использует вещество, энергию, прежние формы и чужой труд. Построенный дом требует преобразования материалов; организованная жизнь — непрерывного обмена с окружающей средой.

Может быть, в наблюдаемой природе первичнее обеих категорий само преобразование. Мы называем процесс созиданием, если возникла интересующая нас структура, и разрушением, если она исчезла. Одно и то же событие часто является тем и другим — в зависимости от масштаба и вопроса.

Это не означает, что всё в мире одинаково ценно. Разрушение старой плотины может спасти жителей ниже по течению, а может обречь их на гибель. Оценка зависит от последствий, намерений, альтернатив, распределения риска. Переход от описания процесса к нравственному суждению требует человеческого — или, в нашей гипотезе, более широкого сознательного — критерия.

Термодинамика тоже не даёт нам права считать жестокость природной обязанностью. Для поддержания локального порядка требуются обмен, энергия, рассеяние; но никакое известное физическое правило не требует наличия злодея, чтобы звезда завершила цикл или клетка уступила место другой. Баланс возникновения и распада не равен балансу сострадания и ненависти.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Не всё, что исчезает, уничтожено напрасно. Но не всё, что необходимо изменить, нужно мучить.*

Второе начало термодинамики не требует существования злых существ. Локальное формирование порядка сопровождается расходованием доступных ресурсов и рассеиванием энергии. Но моральная жестокость не входит в уравнения. Чтобы старое уступало место новому, не обязательно, чтобы кто-то злонамеренно причинял страдание.

Поэтому идея космического баланса между добром и злом подозрительна. Баланс между возникновением и исчезновением структур — возможный физический сюжет. Баланс между

состраданием и жестокостью — уже нравственный тезис, для которого нет аналогичного физического основания.

Вселенная не обязана порождать мегаразрушителя каждый раз, когда появляется мегасозидатель. Созидатель и сам способен завершать процессы, удалять повреждённые структуры и освобождать пространство для нового. Разрушение — функция изменения, не обязательно призвание злодея.

Если существуют предельные творцы, возможно, их искусство заключается именно в тонкости преобразования: завершать без унижения, освобождать без бессмысленного ущерба, перераспределять ресурсы так, чтобы исчезновение одной формы не превращалось в ненужную катастрофу для другой.

Это ещё не этика Абсолюта. Но это достаточно сложная человеческая практика: различать неизбежную цену изменения и жестокость, которую удобно объявить неизбежной.

Глава одиннадцатая. Сила, способная отпускать

Два мастера строят мосты. Первый умеет отдавать приказы так, что никто не осмеливается возразить. Мост возникает быстро, отчёты безукоризненны, рабочие молчат. Второй тратит время на неудобные вопросы: кто заметил трещину, почему изменили проект, что будет, если сильный ветер придёт раньше срока? Его работа выглядит менее эффектно. Но в какой из мастерских скорее заметят ошибку до того, как она станет катастрофой?

Ответ не всегда однозначен. Дисциплина иногда спасает, а согласования порой мешают действовать. И всё же вопрос показывает: нравственность может менять не только направление силы, но и саму способность системы работать с реальностью.

Но остаётся интуиция, от которой невозможно просто отмахнуться: возможно, добро не только направляет силу, но и увеличивает её. Не силу удара, а способность породить устойчивое будущее.

Человек, действующий через страх, может организовать огромные ресурсы. Иногда жестокость обеспечивает впечатляющую краткосрочную эффективность. Но система, основанная только на подчинении, вынуждена постоянно воспроизводить контроль. Её участники становятся функциями центральной воли, а не самостоятельными источниками роста.

Система доверия, напротив, потенциально объединяет способности свободных участников. Один создаёт школу, из

которой выходят люди, способные создать новые школы, исследования и совершенно неожиданные формы деятельности. Творец создаёт не только предметы, но и возможность независимого творчества.

Если участник доверяет другим и может безопасно сказать правду, коллектив получает информацию, которую не смог бы добыть силой. Если создатель уважает автономию учеников, каждый из них способен предложить решение, которого не было в его собственном уме. Чем сложнее задача, тем важнее способность превращать чужую самостоятельность не в угрозу, а в источник новых возможностей.

И всё же нельзя превращать это в сладкую формулу «добрые всегда сильнее». История знает и успешных жестоких властителей, и погибшие справедливые сообщества. Разрушительное действие иногда быстрее созидательного. Нравственность не магическая броня. Наш тезис уже и интереснее: определённые формы морали способны увеличивать предельную сложность и долговечность творческих систем через доверие, точность обратной связи и отказ от тотального контроля.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Сильный умеет добиться результата. Более зрелый способен создать тех, кто добьётся результата без него.*

В этом смысле нравственность может работать как усилитель. Уважение к другим сознаниям способствует появлению сложных

кооперативных систем; жестокость часто разрушает условия доверия. Это не универсальная математическая теорема и не обещание, что хорошие всегда побеждают. Это гипотеза о различии предельных возможностей двух способов организации силы.

Особенно важен критерий автономии. Чем зрелее создатель, тем меньше ему нужно контролировать каждый шаг созданного. Он способен не просто производить копии собственного замысла, а открывать пространство для непредвиденного. В этом возможном смысле моральная зрелость не дополнение к творческой мощи, а часть её качества.

Впрочем, остаётся и серьёзное возражение. Нравственное существо может быть слабым; могущественное — жестоким. Значит, необходимо различать творческую мощность, глубину понимания и нравственное отношение к другим. Их связь возможна, но не дана заранее.

Нравственность тогда становится частью технологии творчества — не потому, что добрый автоматически получит больше энергии, а потому, что способность учитывать других позволяет строить такие формы кооперации, какие недоступны одному приказу.

Однако и здесь следует быть осторожным с языком силы. Человек, отказавшийся сделать зло, может проиграть битву, лишиться власти, даже погибнуть. В определённом нравственном измерении его поступок может остаться значительным, но это не делает его непобедимым. Сила, о которой мы говорим, не сводится к способности выиграть сегодняшний день.

Глава двенадцатая. Три проекта мироздания

Представим зал без потолка. Вместо стен — звёзды. Перед столом, на котором лежат три чертежа, стоит существо, способное изменять законы будущего мира. Рядом нет советников, способных проверить его решение. Оно само выбирает, каким будет время, сколько свободы получат жители и что будет стоить ошибка.

Это, конечно, не физическая модель рождения Вселенной. Это нравственная лаборатория, где нас заставляют произнести вслух ценности, которые обычно прячутся за словами «естественный порядок».

Предположим, мы достигли способности создавать целые миры. Перед нами три проекта.

Первый — совершенный порядок. В нём нет боли и катастроф, потому что всё предопределено создателем. Существа счастливы, пока не возникает вопрос: могут ли они быть кем-то иным, чем им разрешили?

Второй — радикальная свобода. Сознания способны выбирать, ошибаться, бороться, строить и разрушать. Но свобода соединена с законами природы, при которых возможны болезни, насилие и огромные потери. Не слишком ли дорого обходится свобода, если её цену платят те, кто никогда не выбирал условий своего рождения?

Трудность первой вселенной — не в том, что её жители обязательно несчастны. Они могут быть вполне счастливы. Но если им никогда не доступно иное будущее, то их свобода существует только как декорация. Трудность второй — в том, что свобода выбора часто оплачивается телами тех, кто не выбирал правил игры. Ни полная предсказуемость, ни безграничная возможность причинять вред не дают очевидного идеала.

Третий проект предлагает поискать дизайн, при котором самостоятельность не обязательно покупается жестокостью. Например, что если боль предупреждает об опасности, но редко становится мучением? Что если конфликты чаще допускают обратимые последствия? Что если средства принуждения ограничены даже для самых мощных существ? Мы не знаем, возможна ли такая физика. Но тот, кто объявляет страдание необходимым, обязан объяснить, почему он исключил альтернативы.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Мудрость творца проявляется не только в том, что он способен создать, но и в том, от каких миров готов отказаться.*

Третий — свободное созидание с минимизацией неизбежного страдания. Мы пытаемся сохранить самостоятельность существ, но сделать мир более устойчивым к катастрофам, уменьшить бесполезную боль и открыть безопасные способы разрешать конфликты. Это не доказательство технической осуществимости такого мира. Это проверка нашего воображения: почему выбор

обязательно должен ограничиваться всевластным контролем и жестокой свободой?

Здесь неожиданно сходятся вопросы о добре, творении и ответственности. Создать возможно недостаточно. Нужно определить, что имеет право на появление, какие риски мы допустим и какие последствия будем готовы признать собственными.

Мудрость творца может обнаружиться не в максимальном числе созданных миров, а в способности отказаться от мира, цена которого для его обитателей чрезмерна.

Наконец, перед проектировщиком возникает неудобный вопрос, которого не было в техническом задании: имеет ли он право решать всё в одиночку? Можно ли дать будущим сознаниям механизм изменения собственных условий — подобие конституции мироздания, права на пересмотр, доступа к истине об их происхождении?

Если такой механизм возможен, вершиной творческого искусства могла бы стать не власть менять любую звезду, а способность создать мир, который однажды сможет добросовестно изменять себя сам.

ЧАСТЬ 04

СВОБОДА СОТВОРЁННОГО

Глава тринадцатая. Тот, кто не отпускает вопрос

Мы снова возвращаемся на поле, с которого начали. Это необходимо: всякая красивая космология должна однажды выдержать испытание конкретным человеком. Арджуна всё ещё держит оружие. Перед ним — родные лица, за спиной — союзники, от него ждут решения. Рассуждение о бесконечности не может отменить ни тяжести лука, ни ожидания тех, кому он обещал защиту.

Представим, что разговор получил ещё один поворот. Вместо того чтобы сразу спорить о бессмертии души, воин спрашивает о пределах собственной ответственности. Что случится, если я не стану убивать? Что случится, если стану? Какие варианты мы отвергли слишком быстро?

Теперь вернёмся к Арджуне. Перед ним стоит существо, в могущество которого он верит. Ему объясняют, что космический порядок больше отдельной жизни, что личная привязанность мешает исполнить долг, что истинное Я нельзя убить.

Но представим иной разговор. Арджуна говорит: «Я допускаю, что вижу не всю реальность. Я готов отказаться от трона, гордости и даже от собственной жизни. Но почему моя готовность пожертвовать собой должна превращаться в право пожертвовать другими? Покажи мне не только величие цели, но и необходимость именно такого средства».

В традиционном тексте Кришна предлагает Арджуне иной путь понимания действия, и нельзя честно подменять «Гиту»

придуманным нами завершением. Но мыслительный эксперимент позволяет испытать наши собственные принципы: если творение предназначено расти, должна ли его зрелость выражаться в безусловном исполнении приказов?

Возможно, некоторые задачи действительно требуют подчинения: корабль во время шторма не может созывать бесконечный совет по каждому манёвру. Но доверие командиру основано на целях, компетенции, правилах и возможности последующей ответственности. Оно не даёт ему права ссылаться на непроверяемую святость всякий раз, когда сомнение становится неудобным.

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Совесть не доказывает, что мы правы. Но отказ от совести лишает нас последнего способа заметить собственную неправоту.*

Это не пересказ «Гиты» и не претензия исправить её. Это нравственный мысленный эксперимент. Он проверяет, может ли самостоятельность сотворённого быть ценностью даже перед лицом создателя.

В модели сети творцов ответ может оказаться утвердительным. Если смысл эволюции — появление новых автономных центров творения, то право спрашивать «почему?» не побочный дефект сознания, а один из признаков его взросления. Доверие не обязано начинаться с отказа от разума. Почтение не обязывает признать любой приказ справедливым.

И тогда мера силы меняется окончательно. Высшим оказывается не тот, кто способен заставить все сознания подчиниться, а тот, кто способен создать условия, при которых они станут самостоятельными и не утратят желания беречь друг друга.

Мы не знаем, существует ли где-то первоисточник, способный услышать этот спор. Но если он создал существ, которые умеют спрашивать, то сам вопрос нельзя считать ошибкой конструкции без дополнительных оснований. Возможно, зрелый творец не оскорбился бы. Возможно, он впервые увидел бы перед собой не инструмент, а собеседника.

Поле битвы останется трагическим. Никакая красивая фраза не вернёт погибших. Но у нас появится критерий, который переживёт легенду: всякая власть должна уметь объяснить, почему её решение достойно доверия, особенно когда цену платят другие.

Эпилог. Не вершина, а начало

Когда мастер закрывает мастерскую, он не уносит с собой всё сделанное за день. Часть вещей останется на верстаках, часть уйдёт к другим людям, часть будет переделана, а некоторые окажутся бесполезными. Это не отменяет работы. Наоборот: работа впервые становится по-настоящему частью мира, когда выходит за пределы личного намерения автора.

Возможно, с сознаниями происходит нечто похожее. Мы не знаем, способны ли они переживать смерть, возвращаться в единство, создавать новые физические вселенные. Но уже сейчас мы видим меньшую, надёжную правду: созданное может обрести собственную историю, а хороший замысел — потребовать от создателя умения отступить.

Можно представить мироздание как огромную многоуровневую мастерскую. В каждой её области возникают сознания, способные сначала лишь немного изменить своё окружение, затем — создавать устойчивые системы, а потом, возможно, новые формы жизни, новые миры и новых творцов. Но это не готовая карта космоса. Это гипотеза, к которой мы пришли, последовательно задавая вопросы.

Существует ли объективное добро? Не установлено. Даёт ли творение право на безусловное владение созданным? Не следует из одного факта создания. Обязательно ли для развития мира зло? Нет оснований отождествлять нравственное зло с физическим разрушением. Может ли сознание стать творцом новых вселенных? Неизвестно. И всё же уже сейчас человек способен совершать акты творения и отвечать за них.

На словах «стать богом» легко построить очередную пирамиду. Кто выше, кто сильнее, кто ближе к трону. Но всё, что мы прошли, ведёт к более трудному образу — сети, в которой зрелость выражается возможностью не зависеть от постоянного приказа и не уничтожать самостоятельность других.

Неизвестно, может ли эта сеть охватить многие вселенные. Возможно, наши мечты никогда не выйдут за пределы космической фантастики. Но нравственная проверка этой мечты доступна уже сегодня — в отношении к ребёнку, сотруднику, ученику, человеку, который имеет смелость сказать тебе «нет».

> УЗЕЛ МЫСЛИ
>
> *Если творение действительно растёт, наступает момент, когда его свобода становится важнее власти автора.*

Быть творцом означает не только изменять мир. Это означает делать что-то, чего прежде не было, а затем обнаруживать, что созданное уже не полностью принадлежит тебе. Ребёнок взрослеет. Идея перерастает автора. Общество меняет собственные правила. Может быть, подлинная зрелость состоит в готовности позволить этому случиться.

Если когда-нибудь мы действительно встретим первоисточник, возможно, самый достойный разговор будет не о том, насколько низко мы должны склониться. Возможно, он начнётся с двух простых вопросов: «Что ты создал?» и «Что стало свободнее благодаря твоему творению?»

Вопрос, с которого началась эта книга, возвращается иначе. Не «почему я должен склониться перед творцом?», а «что я способен создать такого, что не будет нуждаться в моём постоянном господстве?»

Ответ, возможно, не помещается ни в один храм и ни в одну космологию. Он начинается гораздо ближе — с первой попытки сделать мир не только более упорядоченным, но и более свободным для тех, кто в нём живёт.

Послесловие. Что здесь является гипотезой

В очерке намеренно различаются три уровня утверждений. Описания человеческого творчества, преобразования ресурсов и ограничений известных физических процессов относятся к наблюдаемой реальности. Рассуждения о нравственной ответственности, свободе и моральной ценности сознаний являются философскими аргументами, открытыми для возражений. Предположения о едином Абсолюте, накоплении духовного опыта между жизнями, создании новых вселенных и эволюции творцов — спекулятивная метафизика; эмпирического доказательства этих гипотез здесь не приводится.

Важнейшая незакрытая проблема — связь нравственности и силы. Мы описали механизмы, при которых доверие и уважение к автономии могут расширять коллективные созидательные возможности. Но мы не доказали, что Вселенная устроена таким образом, что нравственно лучший творец всегда оказывается могущественнее. Именно это остаётся предметом дальнейшего исследования.

Ориентиры для дальнейшего чтения

«Махабхарата», прежде всего «Бхагавад-гита»: главы 2 (долг, смерть и действие), 11 (вселенская форма), 18 (решение и свобода выбора); «Удьйога-парва» (переговоры перед войной), «Шанти-парва» (осмысление победы). Нумерация разделов различается между изданиями.

«Вальмики-Рамаяна», «Юддха-канда»: конфликт Рамы и Раваны, завершение войны и разговор с Ситой. При сравнении переводов важно учитывать разночтения и системы нумерации.

Платон, «Евтифрон» — о соотношении благочестия, божественной воли и добра.

Иммануил Кант, «Основоположение к метафизике нравов» — об автономии морального суждения и отношении к разумным существам как к целям.

Альфред Норт Уайтхед, «Процесс и реальность» — о творчестве и становлении как философских основаниях мира.

Шанкара и традиция адвайта-веданты — о соотношении Атмана и Брахмана, уровнях реальности и освобождении.

Махатма Ганди, комментарии к «Бхагавад-гите» и тексты о сатьяграхе — об иной интерпретации борьбы и долга.

Этот список — указатель направлений, а не научно-критический аппарат: буквальные цитаты и точные соответствия стихов следует сверять по конкретным академическим изданиям.

ЧАСТЬ 05

ПОСЛЕ КНИГИ. МАСТЕРСКАЯ ВОПРОСОВ

Практикум. Не верить на слово даже этой книге

Книги о духовном развитии часто заканчиваются обещанием: следуй за автором — и узнаешь истину. Эта книга заканчивается иначе. В ней слишком много недоказанного, чтобы превращать её в инструкцию. Абсолют, перерождение, вселенные творцов, моральные законы мироздания — всё это мы обсуждали как возможности. Но вопросы о собственной власти, чужой свободе и цене решений можно исследовать уже сейчас.

Этот практикум не предназначен для проверки «уровня духовности». У него нет баллов, ступеней или правильного профиля. Его цель — сделать читателя менее зависимым от красивых тезисов, включая тезисы автора. Лучше выполнять упражнения письменно, возвращаясь к ответам через неделю или месяц. Иногда изменение ответа будет важнее исходной позиции.

Упражнение 1. Встреча с чудотворцем

Вообразите, что завтра перед вами появится существо, которое достоверно предсказывает события и демонстрирует невозможные прежде физические способности. Оно сообщает, что создало вашу Вселенную, и требует от вас поступка, противоречащего вашей совести. Запишите ответ в трёх версиях.

- В первой версии вы абсолютно уверены, что существо — Бог.
- Во второй вы уверены только в его могуществе, но не в его происхождении.

• В третьей вы не знаете даже того, благонамеренно ли оно.

Теперь сравните ответы. Что изменилось? Почему? Какие факты могли бы изменить ваше решение? Есть ли действия, от которых вы откажетесь при любом уровне могущества собеседника? Если да, на чём основан этот предел? Если нет, что вообще защищает вас от приказа того, кто сильнее?

> ВОПРОС ДЛЯ ПОЛЯ
>
> *Что должно быть доказано, прежде чем сила станет нравственным авторитетом?*

Упражнение 2. Цена слова «необходимо»

Вспомните решение, которое вы объясняли словами «другого выхода не было». Это может быть конфликт, увольнение, разрыв, наказание, деловое решение. Не требуется раскрывать его никому. Разделите лист на три колонки: какие варианты вы реально проверили; какие отвергли без проверки; кому досталась основная цена.

Попробуйте описать случившееся глазами того, кто не участвовал в принятии решения, но столкнулся с его последствиями. Не нужно объявлять себя злодеем или героем. Достаточно честно различить объективное ограничение и ограничение собственного воображения.

Упражнение 3. Карта моего творчества

Возьмите пять объектов, которые появились или изменились благодаря вам: отношения, проект, бизнес, текст, привычка, пространство, сообщество. Для каждого ответьте на четыре вопроса: что именно вы создали; чьи ресурсы использовали; насколько творение способно существовать без постоянного контроля; кому стало легче или труднее жить из-за него.

Затем выберите один пример, в котором попытка контролировать результат мешала ему развиваться. Можно ли было заранее создать правила, позволяющие другим участникам влиять на происходящее? Если нет, почему именно?

> УЗЕЛ ПРАКТИКИ
>
> *Мера творчества — не только то, что появилось, но и то, что получило возможность жить без вас.*

Упражнение 4. Три проекта мироздания

Теперь вернитесь к трём возможным вселенным из двенадцатой главы: полностью упорядоченной, радикально свободной и свободной с ограничением ненужного страдания. Выберите не самую приятную, а ту, за создание которой вы могли бы принять ответственность перед будущими обитателями.

Составьте пять фундаментальных правил вашего мира. Затем выступите против самого себя: представьте жителя, которому эти правила причиняют ущерб. Как он может оспорить их?

Может ли покинуть систему? Допустимо ли изменить законы без согласия тех, кого это затронет? Если ваш мир устроен так, что никакие жалобы не могут изменить замысел создателя, почему это не просто красивая диктатура?

Упражнение 5. Сомнение, которое я не люблю

Выберите убеждение, от которого вам психологически трудно отказаться. Это может быть религиозная идея, политическая позиция, образ самого себя или утверждение из этой книги. Напишите самый сильный аргумент против него — без насмешки и без намеренного ослабления позиции оппонента. Попросите воображаемого противника исправить ваш пересказ, пока он не признал бы его честным.

После этого сформулируйте, какие наблюдения вы готовы считать достаточными для пересмотра убеждения. Если таких наблюдений нет ни при каких условиях, честно назовите свою позицию верой, моральным выбором или личным обязательством — но не проверенным знанием.

Двенадцать вопросов, которые остаются открытыми

1. Если добро не является физическим свойством Вселенной, может ли оно всё же быть объективным свойством отношений между сознаниями?

2. Чем отличаются необходимое преобразование и оправданная жестокость? Возможно ли первое без второго?

3. Должен ли создатель обладать правами над созданным лишь потому, что без него оно бы не существовало?

4. Может ли моральный статус сознания зависеть от срока его существования?

5. Если все «я» — проявления одного источника, усиливает ли это обязанность заботиться друг о друге или ослабляет её?

6. Чем просветление отличается от психологической уверенности, если у нас нет независимой проверки его содержания?

7. Где заканчивается полезное доверие духовному учителю и начинается передача ему собственной ответственности?

8. Существует ли нравственная сила, которая не измеряется способностью победить или подчинить?

9. Является ли способность создавать автономных творцов более высокой, чем способность создавать безупречно послушные системы?

10. Возможен ли мир с полноценной свободой, но без крайних форм предотвратимого страдания?

11. Если творцы образуют сеть, какие правила могли бы урегулировать споры между ними без высшего судьи?

12. Какую свободу вы готовы подарить собственному творению, даже зная, что оно однажды с вами не согласится?

Черновик личной этики творца

Этот текст можно оспорить и переписать. Он предназначен не для клятвы, а для начала самостоятельной формулировки принципов.

Я признаю ограниченность своего знания. Поэтому не превращаю ни внутренний голос, ни чужое откровение, ни собственную успешность в доказательство абсолютной правоты.

Я различаю способность и право. То, что я могу сделать, ещё не означает, что я вправе это сделать; то, что создал систему, не превращает её участников в мою собственность.

Я ищу обратимые решения прежде необратимых. Особенно если за ошибку заплатят другие, а не я сам.

Я считаю чужую самостоятельность ценностью, которую необходимо учитывать. Она может ограничивать мой замысел, но именно её существование делает творение больше, чем продолжением моей воли.

Я оставляю возможность собственного пересмотра. Если однажды факты опровергнут мою космологию, мне не придётся вместе с ней отказаться от совести.

Последняя страница. Незаконченная карта

На столе остаётся лист, на котором нет окончательного рисунка мироздания. В одном углу — колесница Арджуны. В другом — квадрат окна, где человек в сумерках спорил с мыслью о Боге. Между ними — сады, мастерские, невидимые жизни, проектируемые миры, голоса, которым хочется верить, и вопросы, на которые не хочется отвечать.

Можно нарисовать поверх всего пирамиду. Можно — сеть. Можно оставить лист чистым и считать, что ничего, кроме наших представлений, мы пока не знаем. Но есть одно различие, которое уже трудно не заметить: создавать и владеть, верить и повиноваться, преобразовывать и мучить — не одно и то же.

Если эта книга добилась хоть чего-то, то не передала готовую истину, а усложнила слишком лёгкие оправдания власти. Возможно, для начала этого достаточно. Возможно, путь творца начинается именно там, где он впервые спрашивает себя: «Что станет свободнее после моего вмешательства?»

О КНИГЕ

Вопрос, который можно оставить открытым

Кто имеет право решать, что добро, а что зло? И даёт ли способность создать мир право распоряжаться жизнью его обитателей?

Всё начинается с сомнения человека, стоящего перед необходимостью исполнить высший приказ. От вопросов к «Бхагавад-гите» и древним сюжетам разговор переходит к власти, совести, природе сознания и возможному будущему, в котором творцы не стоят один над другим, а учатся сосуществовать.

«Творец. По ту сторону повиновения» — философское эссе о свободе, ответственности и цене уверенности. Это не религиозный трактат и не попытка доказать устройство Вселенной. Это приглашение рассуждать, оспаривать даже красивые истины и искать нравственность, которая начинается не с послушания, а со способности слышать другого.

В завершение — практикум и вопросы для самостоятельного размышления.

ОБ АВТОРЕ

Максим Степаненко

Максим Степаненко — предприниматель и управляющий партнёр Innova Consulting Group. Его профессиональные интересы лежат на пересечении права, предпринимательства и новых технологий. «Творец» вырос из личных размышлений о совести, свободе и ответственности.

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Творец. По ту сторону повиновения

О совести, свободе и возможности новых миров

Философское эссе · русский язык

Авторское электронное издание · Оттава, Канада · 2026

Электронная редакция для распространения

ISBN: не присвоен

Концепция и постановка философских вопросов — Максим Степаненко. Литературная подготовка текста выполнена с применением инструментов искусственного интеллекта.

© 2026 Максим Степаненко. Права на авторские материалы сохраняются за их правообладателем. Бесплатное чтение данного издания не означает передачу прав на коммерческое переиздание.